

Историческая социология

© 2014 г.

Б.Н. МИРОНОВ

КАКАЯ ДОРОГА ВЕДЕТ К РЕВОЛЮЦИИ? ИМУЩЕСТВЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИИ ЗА ТРИ СТОЛЕТИЯ, XVIII – НАЧАЛО XXI в. (статья первая)

МИРОНОВ Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (E-mail: bmironov@mail.wplus.net).

Аннотация. Рассмотрены изменения уровня материального неравенства в России в последние триста лет в реперных точках и выявлены тренды в его динамике.

Ключевые слова: неравенство • децильный коэффициент дифференциации • Россия, XVIII – начало XXI в. • революция 1917 г. • революционная ситуация

Анкетный опрос историков и социологов о том, как они относятся друг к другу, никогда не проводился. Но, по моим впечатлениям, взаимной любви нет. В настоящее время большинство историков не верят в объяснительную силу социологических теорий, к социологам, как правило, равнодушны, а к историкам, использующим социологический подход, стоят на грани враждебности, а иногда и просто враждебны. Социологи относятся к историкам много дружелюбнее, а к тем, кто хоть в какой-то степени использует социологический подход, – с симпатией. Я никогда не слышал от социологов осуждения за использование социологического инструментария, и никогда они не говорили мне, что я – чужой для них (хотя, конечно, не исключаю, что некоторые так думают). А от историков слышу это регулярно и твердо знаю, что еще больше таких, которые так думают, но вслух не говорят – одни из вежливости, другие – из-за внутренней неуверенности в своей правоте. Можно сказать, в России исторические социологи и социальные историки (в броделевском смысле) чаще всего чужие среди историков и свои среди социологов.

Это видно, например, из того, что “Социс” в течение 40 лет десятки раз давал трибуну историкам, в том числе и мне, обращал внимание на проблему взаимодействия социологии и истории (хотя меньше, чем проблема заслуживает). Но я не знаю примеров, чтобы ведущие российские исторические журналы давали трибуну социологам. В советское время от историков требовалось знание хотя бы основ исторического материализма, т.е., по сути, одной из социологических теорий; в постсоветское время подобных требований не предъявляется; равнодушные к теории, методологии и соответственно к социологии достигло опасного уровня. Подавляющее большинство современных историков рассматривают теорию “как злостное посягательство на автономию истории как научной дисциплины” [Тош, 2000: 185], как способ подгонки исторических фактов под заранее заданную схему. Это, к сожалению, соответствует

классическому этосу историографии – установить, “как собственно все происходило”, и в еще большей степени – этосу постмодернистской историографии, отказавшейся от поисков закономерностей. Лишь незначительное меньшинство историков сознательно и открыто придерживается какой-нибудь теоретической ориентации или хотя бы признает значение концепции как стимула или отправной точки научного поиска. Такова горькая правда.

Между тем еще 116 лет назад, в 1898 г., Э. Дюркгейм доказал, что история и социология обречены стать единой наукой: “Мы (социологи. – *Б.М.*), – писал он, – служим делу истории, когда убеждаем историка выйти за пределы его обычной перспективы, заглянуть за рамки выбранной для исследования специфической страны или периода и заняться общими вопросами, поставленными теми специфическими фактами, которые он наблюдает. Но, как только история начинает сравнивать, она становится неотличимой от социологии. И наоборот, социология не только не может обойтись без истории, но на самом деле нуждается в историках, которые могут быть социологами. Пока социолог будет чужаком, вторгающимся в область историка, чтобы получить интересующие его данные, он будет лишь скользить по поверхности. Только историк знает историю настолько, чтобы быть способным использовать исторические данные. Следовательно, не будучи непримиримыми, эти две дисциплины имеют естественную тенденцию к сближению, и все указывает на то, что они предназначены соединиться в общую дисциплину, в которой элементы истории и социологии будут совмещены и объединены. Это кажется ненормальным, что тот, кто должен выявлять данные, не владеет методами сравнения, для которых именно эти данные подходят; а тот, кто сравнивает данные, не имеет понятия, как они были получены. Воспитание историков, которые знают, как смотреть на исторические данные социологически, равно как развитие социологов, владеющих всеми методами историков, – вот цель, которую мы должны преследовать” [Durkheim, 1898: I–III].

Через 60 лет, в конце 1950-х гг., казалось, что призыв Дюркгейма, наконец, услышан. В 1960–1980-е гг. в результате увлечения социологов историей возникла историческая социология, или историко-эмпирическая социология. Эти годы, называемые теперь “золотым веком макросоциологии”, отмечены известными работами П. Андерсона, Р. Арона, Р. Бендикса, И. Валлерстайна, Р. Карнейро, Р. Коллинза, Б. Мура, Т. Скочпол, Н. Смелзера, А. Стинчкомба, Ч. Тилли, С. Эйзенштадта, Н. Элиаса. Датой институционализации исторической социологии считается 1983 г., когда в рамках Американской социологической ассоциации возникла специальная секция исторической социологии. В те же годы в результате возросшего интереса историков к социальным наукам, прежде всего к социологии, возникла социальная история. Взаимное увлечение вызвало на Западе широкую международную дискуссию об отношении между историей и социологией, в которых приняли участие представители обеих дисциплин, и породило настоящий журнальный бум. В 1960–1980-е гг. наблюдался расцвет социально-исторических исследований; эти годы по праву можно назвать “золотым веком социальной истории”. Апофеозом явилось издание шеститомной “Энциклопедии социальной истории Европы: 1350–2000 гг.” в 2000 г. в США, подготовленной ведущими зарубежными социальными историками [Encyclopedia, 2001]. Таким образом, из союза социологии и истории родились социальная история и историческая социология.

Постмодернизм, пришедший в историографию в 1970-е гг. и получивший широкое распространение в 1980–1990-е гг. (в первую очередь среди американских историков), вытеснил с передовых рубежей и историческую социологию, и социальную историю. Постмодернисты утвердили принципиально иной подход: наиболее адекватное постижение действительности доступно не естественным и точным наукам или традиционной философии, опирающейся на систематически формализованный понятийный аппарат логики с ее строгими законами взаимоотношения посылок и следствий, а интуитивному поэтическому мышлению с его ассоциативностью, образностью, метафоричностью и мгновенными откровениями. Они усомнились в методологической ценности научных понятий и статистических серий, универсальных норм и теоретиче-

ских систем, любой теории и любой объяснительной системы. Любая попытка сконструировать модель мира, по их мнению, бессмысленна: невозможно и бесполезно пытаться устанавливать какой-либо иерархический порядок или какие-либо системы приоритетов в жизни. Наши представления о мире не отражают и не соотносятся с реальностью, которая существует за границами языка, и они соотносятся только с другими языковыми выражениями [Тош, 2000: 170–184].

Под влиянием постмодернизма самые передовые и продвинутое западные и отечественные историки переориентировались на культурную историю с акцентом на антропологическое изучение символических систем, литературоведческий анализ, историю искусств и достигли на этой ниве существенных успехов. Они по возможности избегают количественных данных; не используют методологию современных социальных наук; интерпретируют изучаемые явления в понятиях и нормах, свойственных людям изучаемого времени; уделяют главное внимание обыденным ритуалам, рутине, манере общения, идентификации, словом, символизму повседневной жизни; не объясняют изучаемые явления, а описывают отдельные эпизоды и события. Книжный рынок заполнили книги о повседневной жизни – королей и проституток, принцев и нищих, студентов и разбойников. Кажется, не написана только книга о повседневной жизни наших, как теперь выясняется, отдаленных предков – неандертальцев. Традиционные историки торжествовали и стыдили социальных историков за отсталость и несовременность.

Казалось, брак между историей и социологией агонизирует, и дело идет к разводу. Но вновь научная мода изменилась. В последние пятнадцать лет складывается новый подход, который некоторые методологи называют *неоклассической моделью исторического исследования*. По мнению Л.П. Репиной, новая модель опирается на концепции исторического развития, группирующиеся вокруг разных теорий “прагматического поворота”, прямо ориентирована на синтез социальной и культурной истории, макро- и микроанализа, объяснения и понимания и включает механизмы индивидуального выбора. «Эти “теории практики” выводят на первый план действия исторических акторов в их локальных ситуациях, в контексте тех социальных структур, которые одновременно и создают возможности для действий, и ограничивают их» [Репина, 2008: 10–11]. А.В. Лубский следующим образом определяет ее методологию: «Когнитивная стратегия неоклассической модели состоит в эмпирической реконструкции исторических событий в их уникальной неповторимости и установлении исторических закономерностей в форме теоретического знания. Неоклассики признают методологический плюрализм в историческом познании, но рассматривают его как необходимое условие разработки наиболее адекватного варианта исторической теории. Отказываясь от принципа “нейтральности” субъекта исторического исследования по отношению к его предмету, они отводят субъективности эвристическую роль в первую очередь при выборе исходных методологических оснований исторического исследования, что, в конечном счете, обнаруживается и в контекстном содержании научной истины» [Лубский, 2005: 354–358]. Однако аналогичной ясности относительно правильной методологии в умах практикующих историков и историков-методологов пока нет.

Социальная история в годы торжества постмодернизма не умерла и не ушла в подполье – ее просто потеснили модные направления в историографии. Теперь, обогащенная постмодернистскими испытаниями, она вновь набирает силу. Возросший интерес социологов и экономистов к истории, можно надеяться, даст новый толчок ее развитию. И это вселяет оптимизм. Я не мыслю креативную работу на ниве истории без социологии: социология обогащает историка новыми понятиями, концепциями и теориями и позволяет ему мыслить системно и концептуально, не превратиться в “ползучего эмпирика”. Все эпохальные работы в историографии (С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, А.С. Лаппо-Данилевского), так или иначе, связаны с интересом их авторов к социологии. На мой взгляд, взаимодействие истории с социологией по своей сути аналогично гибридизации в биологии – скрещиванию разнородных в наследственном отношении организмов, приводящему к образова-

нию потомства с новыми, лучшими, чем у родителей, наследственными свойствами. У гибридного потомства часто возникает явление гетерозиса (повышенной жизненной силы). Подобно тому, как гибридизация в биологии является одним из важнейших факторов эволюции биологических форм в природе, так и гибридизация в науке является фактором развития всех наук, в том числе социальных и гуманитарных. Их гибридное потомство обладает новыми и часто лучшими, чем у родителей, свойствами. Полагаю, что прогрессу в этом направлении мешают главным образом недостатки университетского и особенно аспирантского образования историков, в программе которого крайне мало места отводится социологии, социальной психологии, психологии и экономике. Современная российская социология, имеющая корни в западной социологии, давно освободилась от стереотипов ортодоксального марксизма и развивается в tandem с мировой социологией (которая не испытывает враждебности к творческому марксизму), в то время как постсоветская российская историография, имеющая корни в марксистской идеологии, все еще крепко к ней привязана. Если бы историки чаще контактировали с социологией, то их методологический и методический арсенал был бы несравненно богаче и современнее, и в диссертации по истории не встречались бы указания, что «главной методологической основой исследования является диалектический материализм». Именно это я и хочу продемонстрировать в статье.

Проблема неравенства относится к категории «вечных» в социальных науках и является актуальной в любом обществе во все времена. Не стала исключением и историография – о социально-экономическом неравенстве написаны сотни работ, в особенности в советское время. Лишь в постсоветской историографии тема вышла из моды, и теперь ей посвящается мало исследований, причем о неравенстве вспоминают преимущественно историки марксистской ориентации. Высокий уровень имущественного неравенства рассматривается как показатель бедности и как показатель готовности российского общества для перехода от феодализма к капитализму и от капитализма к социализму. Исходных идей две: 1) если есть богатые, обязательно должны быть бедные, и наоборот; чем больше богатства, то больше бедности, обездоленности, эксплуатации; 2) имущественное неравенство переходит в социальное, и параллельно этому феодальные классы превращаются в классы буржуазные, а классы буржуазные в свою очередь трансформируются в классы социалистического общества.

Главным объектом изучения неравенства являлось крестьянство. Методика оценки имущественного неравенства была и в большинстве своем до сих пор остается элементарной – в этом первый недостаток исторических работ на эту тему. Сначала по тому или иному критерию (количеству земли, скота, доходу, имуществу и т.п.) совокупность людей, семей, хозяйств делится на несколько групп, чаще всего на три: богатые, средние, бедные; затем определяется доля каждой группы. Если в социальной структуре преобладают «середняки», а крайние группы по численности примерно одинаковы, делается вывод, что данная социальная совокупность более или менее однородна, если же, наоборот, большая часть населения принадлежит к крайним группам, считается, что налицо сильное неравенство. Изменение в соотношении трех прослоек свидетельствует о направлении расслоения: если в интервале времени наблюдалось изменение в соотношении социальных прослоек в пользу крайних за счет средней группы, то дифференциация усилилась, если же в пользу средней группы, то, наоборот, уменьшилась. В действительности, однако, сдвиги в социальной структуре более причудливы: могут измениться только доли крайних или средней и бедной, или средней и богатой групп, причем на различное число пунктов (процентов). И тогда даже качественная оценка – увеличилось или уменьшилось неравенство – весьма затруднительна. По моей ориентировочной оценке, всего сделано более 360 группировок крестьянских хозяйств в отдельных имениях с конца XV в. до 1861 г., в 92% случаев основанные на числе лошадей, в 8% случаев – на величине посева. В большинстве случаев безлошадные хозяйства и хозяйства с 1 лошадью относились к бедным, с 2 лошадьми – к средним, с 3 и более – к зажиточным.

Что касается посева, основания для группировки сильно варьировали по регионам. Оба основания оценки неравенства нельзя считать достаточными. Во-первых, крестьянство получало доходы из разных источников – кроме земледелия, от скотоводства, рыболовства, собирательства, охоты и т.п., а также от промыслов и отходничества; наилучшим критерием мог бы быть доход на душу населения; но такие данные не использовались по причине трудности их получения. Во-вторых, группировки по скоту или посеву не позволяли оценить собственно уровень материального неравенства.

Второй недостаток исторических работ о неравенстве в том, что каждый исследователь действовал самостоятельно и автономно, и даже попытки объединить полученные результаты диахронно или синхронно не предпринималось, да и сделать это было затруднительно ввиду различий в критериях оценки расслоения, с одной стороны, и некоторого негативизма историков к генерализации – с другой.

Третий недостаток в изучении неравенства состоял в том, что городское сословие и духовенство, с точки зрения имущественного неравенства, изучались очень редко, а общей оценки неравенства в масштабе всего социума вообще не предпринималось, потому что историки об этом даже не задумывались.

В итоге мнения историков о времени начала *буржуазного расслоения* разделились чрезвычайно – от второй половины XVI в. до конца XIX в. Сам диапазон начала процесса в три столетия показывает, что подход и методика имеют дефекты. Степень неравенства оставалась за рамками анализа. Поскольку априори считалось, что Россия в конце XIX – начале XX в. созрела для буржуазной, а затем и для социалистической революций, ожидалось, что и в обществе должна присутствовать многочисленная буржуазия, в том числе в деревне, где проживало около 85% населения. Буржуазию искали и, разумеется, нашли; нашли в соответствующие периоды и сильное имущественное неравенство, перераставшее или уже переросшее в социальное и буржуазное.

Теперь попытаемся оценить неравенство, используя социологический подход и инструментарий. В социологической и экономической науках при изучении неравенства давно используются коэффициенты неравенства. Преимущество коэффициентов состоит в том, что они позволяют *измерять* неравенство. Разработано несколько коэффициентов – коэффициент Лоренца, коэффициент Джини, коэффициент Щютца, названные именем их “изобретателей”, децильный (квинтильный, квартильный) коэффициент дифференциации и другие [Ефимова, Бычкова, 2004: 239–262]. Все они основаны на общем принципе – на измерении степени соответствия между долями (%) тех или иных социальных групп в населении общности (город, община, страна и т.п.) и долями (%) богатства (земли, скота, дохода и т.п.), которыми данные социальные группы обладают. Полное соответствие между долями различных социальных прослоек в богатстве и их долями в населении возможно только тогда, когда все индивиды принадлежат к одной имущественной группе: либо все бедные, либо все “середняки”, либо все богатые. В этом случае наблюдается полное равенство в пределах данной общности, соответственно коэффициент неравенства равен нулю. Наоборот, при абсолютном несоответствии между долями социальных групп в богатстве и их долями в населении наблюдается полное неравенство. В этом случае коэффициент неравенства приближается к единице. Всё разнообразие социальных структур с точки зрения неравенства попадает в интервал между абсолютным равенством и абсолютным неравенством, т.е. между 0 и 1.

Перечисленные коэффициенты неравенства измеряют *относительное*, а не абсолютное неравенство. Говоря конкретно, они показывают *степень неравномерности в распределении богатства (имущества, доходов) между социальными группами*, иными словами, *степень его концентрации*. Коэффициенты не учитывают абсолютное “расстояние” между социальными группами по богатству, они равнодушны к тому, где, в какой социальной группе концентрируется богатство и каково его абсолютное значение.

Между тем для комфортного ощущения жизни людям представляется важным, а, может быть, даже более важным, не столько степень неравенства в доходах, сколько их абсолютная величина. Если низшая по доходам страта имеет доход, который соответствует ожиданиям и обеспечивает достойную жизнь, большинство этих “бедных” мало волнуют высокие доходы богатых. Если доходы низшей страты ниже ожиданий и обеспечивают или даже не обеспечивают простое выживание, а доходы высшей страты не являются вызывающе высокими, т.е. если мы имеем ситуацию справедливого распределения нищеты, вряд ли это делает жизнь людей счастливее. Однако уровень доходов – это особая и самостоятельная проблема, для изучения которой в статистике разработаны специальные методы.

В общественных науках пока не разработан идеальный интегральный показатель измерения уровня экономического неравенства. Из существующих показателей одни предназначены для оценки абсолютного, другие – относительного неравенства, одни измеряют степень собственно расслоения, другие – уровень концентрации, одни лучше фиксируют обеднение, другие – рост материального благополучия. Сколько аспектов, сторон в проблеме социального неравенства, столько приемов ее оценки и измерения. Не случайно в политической экономии существуют понятия абсолютного и относительного обеднения и соответствующие показатели для оценки того и другого (кстати, именно экономистами для измерения относительного обнищания и разработаны коэффициенты неравенства). Стоит подчеркнуть, все коэффициенты неравенства в доходах измеряют, строго говоря, уровень *имущественного или экономического*, а не социального, легального или политического неравенства, хотя, конечно, между разными видами неравенства существует довольно тесная связь.

В статье я пытаюсь оценить изменения в уровне имущественного неравенства в России за три последних столетия. Поскольку проблема – сложна, мало изучена и по масштабу годится для монографии, ограничусь оценкой уровня неравенства в реперных точках, выявлением трендов в ее динамике и выдвиганием гипотез о влиянии уровня имущественного неравенства на социальную напряженность в российском обществе. Но начну с 1900-х гг.: данные о распределении доходов во всероссийском масштабе имеются лишь с этого времени.

Имущественное неравенство в России начала XX в. Чтобы получить представление об уровне имущественного неравенства в стране, я рассчитал на 1901–1904 гг. *децильный коэффициент фондов* (коэффициент дифференциации доходов), показывающий, во сколько раз средний доход 10% самых богатых превышает средний доход 10% наименее обеспеченных граждан – так называемый коэффициент фондов¹. Первой децильной группой, или представителями первого дециля, являются те 10% россиян, которые относятся к самим бедным и чьи доходы не выше первого дециля, т.е. находятся в интервале от нуля до первого дециля. Вторая децильная группа – это следующие 10% граждан, чьи доходы находятся в интервале между первым и вторым децилем; и т.д. Десятая децильная группа – самые богатые 10% лиц, чьи доходы выше девятой децили.

Беднейших людей в позднеимперской России следует искать среди люмпенизированных слоев, прислуги, сельскохозяйственных, женской и детской части промышленных рабочих, потому что у крестьян доходы в среднем были выше, чем у пролетариев. Всероссийские данные о заработной плате этих категорий лиц наемного труда имеются. Доходы меньше, чем у рабочих и прислуги, имели нищие, бродяги, странники, богомолки, лица, призреваемые в богадельнях, приютах, живущие на пособия благотворителей. Представление о доходах этой беднейшей прослойки могут дать имеющиеся данные о стоимости содержания преступников в тюрьме. В низшую по доходам 10-ю децильную группу войдут полностью: (1) маргинальные слои (0,93% самодеятельного населения), (2) сельскохозяйственные рабочие (3,53%), (3) поденщики и чернорабочие (1,45%), (4) промышленные рабочие (точнее женский и детский их компоненты)

¹ Подробно о расчете децильного коэффициента фондов в 1901–1904 гг. см.: [Мионов, 2012: 597–609].

Средний годовой доход 10% беднейшего населения России в 1901–1904 гг.

Категория населения	Средний доход, руб.*	Численность самодеятельного населения		Суммарный доход, тыс. руб.
		тыс. чел.	%	
Нищие, бродяги, призываемые и т.п.	55	787,3	0,93	43301,5
Сельскохозяйственные рабочие	65	2995,1	3,53	194681,5
Поденщики и чернорабочие	74	1232,2	1,45	91182,8
Промышленные рабочие (женщины и дети)	95	3475,4	4,09	330163,0
Все беднейшее население	77,7	8490	10,00	659328,8

* На душу самодеятельного населения.

Таблица 2

Средний годовой доход 10% богатейшего населения России в 1901–1904 гг.

Категория населения	Средний доход, руб.*	Численность самодеятельного населения		Суммарный доход, млн руб.
		тыс.	%	
Лица с доходом 500 руб. и выше*	2129,7	809,4	1,0	1723,8
Лица с доходом менее 500 руб.*	320,5	7680,6	9,0	2461,7
10-я децильная группа	493,0	8490,0	10,0	4185,5

* На душу самодеятельного населения.

заполняют оставшиеся 4,09%. Прислуга, как имевшая более значительные доходы, в беднейшую страту не попадает. Средний годовой доход 10% самодеятельного населения с минимальными доходами равнялся приблизительно 78 руб. (табл. 1).

Доходы самой богатой части российского общества оценила созданная в 1905 г. Комиссия по вопросу введения подоходного налога при Министерстве финансов, которая собрала данные о числе потенциальных налогоплательщиков в 1901–1904 гг. и 1909–1910 гг. [Опыт, 1906; Подоходный налог, 1910]. Согласно расчету комиссии, элитарная страта включала около 809,4 тыс. лиц старше 14 лет с суммарным доходом в 1723,8 млн руб. и со средним доходом на одного человека в возрасте старше 14 лет 2130 руб. На ее долю в самодеятельном населении страны приходилось примерно 1%. Второй компонент 10-й децильной группы включал 9% жителей или 7681 тыс. человек, их средний годовой доход составлял 320,5 руб., а средний доход всей 10-й децильной группы – 493 руб. (табл. 2). Децильный коэффициент фондов в России начала XX в. составлял примерно 6,3².

Известный русский экономист С.Н. Прокопович сделал приблизительный расчет распределения национального дохода России на 1909–1913 гг. между трудовыми классами (на их долю пришлось 73,6% дохода), имущими классами (22,4%) и казной (4,0%). К первым он отнес людей, живущих исключительно личным трудом, но их долю в населении не определил. Грубо говоря, она составляла около 90% – 85% крестьян и 5% мещан [Опыт, 1918: 80–86]. Таким образом, 10% наиболее богатых россиян вместе с казной получали приблизительно 26,4% национального дохода, что удовлетворительно согласуется с результатами моих подсчетов.

В начале XX в. большинство западноевропейских стран по имущественному неравенству превосходили Россию. Например, в США децильный коэффициент фондов

² Децильный коэффициент фондов (отношение среднего дохода 10% самых богатых к среднему доходу 10% самых бедных) выше, чем децильный коэффициент неравенства (отношение низшего дохода 10% самых богатых к высшему доходу 10% самых бедных).

в 1913–1917 гг. равнялся 16–18, в 1929 г. – 18,2, в 1950 г. – 16, в 1970 г. – 18 [Historical Statistics, 1975: 302]. Колоссальное имущественное неравенство существовало в Великобритании, где в 1850-е гг. децильный коэффициент достигал 22,5 для налогоплательщиков и 74 для всего населения [Lindert, 1986: 149]. В других европейских странах неравенство было ниже, чем в США и особенно в Великобритании, но выше, чем в России. В 1913 г. 5% самых богатых получали в США около 25%, в Великобритании – 43%, в Пруссии – 30%, в Дании – 30%, в Норвегии – 27–32% национального дохода [Gregory, 1994: 35; Historical Statistics. 1975: 302]. А в России в 1901–1904 гг. 10% самых богатых располагали 30% дохода. Необходимо также учитывать абсолютные значения доходов. Средний доход на человека у 1% самых богатых россиян в 1901–1904 гг. равнялся в текущей валюте 991 руб. (507 долларов США), а у американцев в 1900–1910 гг. – 8622 руб. (4412 долларов) [Historical Statistics. 1975: 231, 303], т.е. в 8,7 раза больше.

Самые состоятельные англичане и американцы превосходили по богатству российского императора и великих князей. По утверждению вел. кн. Александра Михайловича, Николай II “не мог бы состязаться в богатстве ни с Рокфеллерами, ни с Ротшильдами и ни с остальными архимиллионерами. <...> На личные нужды государя оставалось ежегодно около 200 тыс. руб., после того, как были выплачены ежегодные пенсии родственникам, содержание служащим, оплачены счета подрядчиков по многолетним ремонтам во дворцах, покрыт дефицит императорских театров и удовлетворены нужды благотворительности. <...> Образ жизни [императорской семьи] ни в какое сравнение с жизнью магнатов капитала идти не мог. Сомневаюсь, удовольствовались ли бы короли стали, автомобилей или же нефти такой скромной яхтой, которая принадлежала государю, и я убежден, что ни один глава какого-либо крупного предприятия не удалился бы от дел таким бедняком, каким был государь в день его отречения” [Романов, 1991: 130, 137]³.

Таким образом, имущественное неравенство в начале XX в. в России в целом находилось на более низком сравнительно с западными странами уровне. Оно имело важную особенность: незначительное по западным стандартам богатство сосредоточивалось в руках лишь нескольких тысяч аристократов и представителей крупного капитала, а среди остальных 99,7% населения оно распределялось без кричащих контрастов. В 1905 г. в Европейской России насчитывалось всего 16 тыс. землевладельцев, имевших более 500 десятин (545 га) земли, и 116 тыс. гильдейского купечества (на 1897 г.), которых можно отнести к богатым [Мионов, 2003: 96, 115]. Остальные лица, входившие не только в 10%, но даже в 1% самых богатых, на самом деле таковыми не являлись. Разрыв в 4–5 раз между жалованьем интеллектуального профессионала и зарплатой промышленного рабочего нельзя считать кричащим. Например, годовой заработок рабочих металлических заводов Петербурга в 1904 г. составлял 497 руб. [Кириянов, 1979: 114], в то время как доход богатого человека начинался от 1000 руб. Предположение об огромном неравенстве доходов в поздней имперской России как главном факторе русской революции не подтверждается эмпирически. Если сравнивать бедного крестьянина с Романовыми, Шереметевыми, Юсуповыми и иными подобными русскими аристократами, то неравенство, конечно, было громадным, хотя и намного меньшим, чем в современной России между богатыми и бедными, тем более между олигархами и остальными гражданами. Если же сравнивать целые страты богатых и бедных, то различия следует признать умеренными.

Сделанный вывод подтверждают результаты произведенной в 1917–1918 гг. конфискации имущества российских богачей. Экспроприация частных имений, завершившаяся к лету 1918 г. [История советского крестьянства, 1986: 51], увеличила фонд крестьянской земли в 36 губерниях Европейской России, где имелось значительное частное землевладение, лишь на 23% [О земле, 1921. Вып. 1: 8–9]. Конфискованная земля была разверстана уравнительно, поступив в распоряжение всех наличных

³ К 1 мая 1917 г. все сбережения семьи Николая II оценивались лишь в 12,5 млн руб., главным образом в процентных бумагах, хранившихся в берлинском банке Мендельсона [Зимин, 2011].

крестьян. В переводе на душу прирезка земли оказалась намного меньше, чем ожидалось, – в среднем около 0,5 десятины (0,6 га) [Книпович, 1920: 9]. Землепашцы захватили также инвентарь (на 300–350 млн. царских зол. руб.), скот и другое имущество привилегированных частных владельцев. В 1917 г. по 47 губерниям последним принадлежало 4 млн из 154,6 млн голов скота. Его конфискация смогла поднять поголовье крестьянского скота весьма незначительно: крупного рогатого – на 2,8%, мелкого – на 2,2% [Статистический сборник, 1921: 185, 193, 210, 215]. Сельскохозяйственные переписи 1917 и 1919 гг. этот расчет подтверждают: численность скота на душу населения в 1919 г. – после конфискаций – практически не изменилась [Экономическое расслоение, 1922. Табл. 11]. В целом имущество и доходы крестьян (благодаря национализации земли, конфискации всего имущества привилегированных слоев, списанию долгов и освобождению от всех поземельных долгов, арендной платы и поземельного налога) могли возрасти на 20% [История социалистической экономики, 1976: 80–84]. Это не могло решить проблему бедности в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ефимова М.П., Бычкова С.Г.* Социальная статистика. М., 2004.
- Зимин И.В.* Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. М., 2011. URL: http://www.plam.ru/hist/carskie_dengi_dohody_i_rashody_doma_romanovyh/p7.php#metkadoc3 (дата обращения: 09.12.2013).
- История советского крестьянства. В 5 т. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие советской власти: 1917–1927 / *Г.В. Шарапов* (ред.). М., 1986.
- История социалистической экономики СССР. В 7 т. Т. 1. Советская экономика 1917–1910 гг. / *И.А. Гладков* (ред.). М., 1976. Т. 1.
- Кирьянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979.
- Книпович Б.Н.* Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года (1917–1920). М., 1920.
- Лубский А.В.* Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация: Социально-философское исследование: Дис. ... докт. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2005.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 1.
- Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд. М., 2012.
- О земле. 1921: В 3 вып. Вып. 1. О прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. М., 1921.
- Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 гг. / *С.Н. Проккопович* (ред.). М., 1918.
- Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. СПб., 1906.
- Подходный налог: Ожидаемое число плательщиков, их доход и сумма налога по исследованию, произведенному податными инспекторами и казенными палатами в 1909–10 году: Материалы к проекту положения о государственном подоходном налоге. СПб., 1910.
- Релина Л.П.* Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М., 2008.
- Романов А.М.* Книга воспоминаний. М., 1991.
- Россия в мировой войне: 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925.
- Самые богатые в странах ОЭСР в 9 раз богаче самых бедных. URL: <http://ru.euronews.net/2011/12/05/trickle-down-forget-it/> (дата обращения: 09.12.2013).
- Статистический сборник за 1913–1917 гг.: В 2 вып. М., 1921. Вып. 1.
- Тош Дж.* Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка. М., 2000.
- Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. М., 1922.
- Durkheim E.* Préface // L'Année Sociologique. I (1896–1897). Paris: Felix Alcan, 1898.
- Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000 / *P.N. Stearns* (ed.). In 6 vols. Detroit etc.: Charles Scribner's Sons, 2001.
- Gregory P.R.* Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year Plan. Princeton, NJ, 1994.
- Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970: In 2 pts. Washington DC: U. S. Department of Commerce, 1975. Pt 1.
- Lindert P.H.* Unequal English Wealth since 1670 // Journal of Political Economy. 1986. Vol. 94. Issue 6. December.